

ГЛАВА ОДИННАДЦАТЬ

Жалование из казны капает, а на службу ходить не надо — Лу Силай и представить не мог, что в мире существует подобная благодать. Единственное, чего ему не хватало для полного счастья, — это собственного поместья, чтобы наконец съехать из этого пугающего дома премьер-министра.

Осторожно высунув голову из-за угла, Силай вполголоса окликнул слугу, подметавшего главный двор:

— Юфу! Эй, Юфу!

— Управляющий Линь? — тот поднял голову и, заметив Силая, прислонил метлу к стене и поспешил к нему.

— Хозяин уже вернулся?

— О, господин? Да, он уже здесь.

«Проклятье!» — выругался про себя Силай. Он всего-то позволил себе немного поспать, а этот человек уже успел вернуться с утреннего приема. И зачем вообще нужны эти приемы в такую рань?! Неужели император вызывает всех на рассвете только для того, чтобы они разок поклонились и разошлись?!

Едва Силай вознамерился «смазать подошвы салом» и улизнуть из поместья, пока его никто не заметил, как за спиной раздался ледяной голос Цзайсяна:

— Ищешь меня?

Вздрогнув всем телом, Лу Силай резко развернулся и отпрыгнул назад.

Янь Шэнь сидел за круглым столом с привычным выражением холодного безразличия и легкого презрения на лице. Слуги тут же подали завтрак. Сверкнув глазами, сияющими подобно чистому горному хрусталию, он бросил на него короткий взгляд:

— Подойди.

Хотя Лу Силай и числился в слугах, благодаря особой «милости» господина он всегда трапезничал с ним за одним столом, как бы сильно ему этого ни хотелось.

Заметив, как Силай семенит к противоположному краю стола, стараясь сесть как можно

дальше, он лишь недовольно поджал губы, но ничего не сказал, принявшись за кашу.

Силай тоже уткнулся в свою миску. Глядя на простые закуски и тишину за столом, он вдруг почувствовал нечто странное.

«Странно... К чему бы это ощущение?»

«Мы словно старая супружеская чета за завтраком...»

От этой мысли Силаю вдруг стало весело. Он поднял голову и посмотрел на свою «женушку-премьера», поймав себя на мысли, что тот и впрямь невероятно хорош собой.

Словно почувствовав эти кошунственные размышления, Янь Шэнь внезапно вскинул голову. Он помрачнел. Перепуганный Силай тут же затряс головой, прогоняя наваждение.

Цзайсян холодно фыркнул, отставил ложку и, не доев кашу, поднялся.

— Как закончишь, зайди ко мне в комнату.

Бросив эту короткую фразу, он стремительно удалился.

***

Лу Силай в нерешительности топтался у порога господских покоев, не зная, стоит ли входить, как вдруг услышал приветливый голосок:

— Управляющий Линь!

Мимо проходила молоденькая служанка, одарившая его лукавой улыбкой.

— А! Да-да! — Силай спохватился, осознав, что перегородил ей дорогу, и поспешно отступил в сторону.

Девушка не торопилась уходить. Она приподняла матерчатый мешочек и с улыбкой спросила:

— Управляющий Линь не желает угоститься?

— Что это?

— Родственники привезли из Чжигу. Мелкие жареные косички — махуа.

Силай заглянул в мешочек и увидел лоснящиеся от масла лакомства. Аромат сладости и поджаренного теста был настолько соблазнительным, что у него мгновенно разыгрался аппетит. Не став жеманничать, он взял одну, поблагодарил и тут же с хрустом откусил кусок.

Глядя на его довольный вид, служанка невольно рассмеялась, затянула узел мешочка и пошла дальше.

Силай провожал её взглядом, дожевывая махуа, как вдруг дверь за его спиной распахнулась — видимо, шум привлёк внимание Янь Шэня. В панике он обернулся и нос к носу столкнулся с Цзайсяном. Рефлекторно попытался отпрыгнуть, но Янь Шэнь мертвой хваткой вцепился в его пояс.

— Э-э?!

Почувствовав, как господин буквально вволакивает его в комнату, Силай рванулся назад, но споткнулся о высокий порог. Если бы Силай не разинул в этот момент рот, набитый едой, сцена вышла бы классической: глубокий наклон, поднятая нога и проникновенный взгляд глаза в глаза.

Пока Силай краснел до кончиков ушей от неловкости, Янь Шэнь с перекошенным лицом втащил его внутрь и с грохотом захлопнул дверь.

Господин держал его за загривок, словно бродячего пса. Оглядевшись, Силай понял, что они не одни: у кровати стоял командир стражи Чэнь Кэ. Не успел он сообразить, что происходит, как Янь Шэнь бесцеремонно швырнул его на постель.

— Ой-ой-ой! — Силай вскрикнул, скорее для вида, хотя локтями приложился по-настоящему больно.

Что здесь творится?! Не успел в голове Силая зазвучать сигнал тревоги, как Янь Шэнь придавил его плечо рукой, заставляя перевернуться, и навис сверху. Его высокая фигура в черном чиновничьем одеянии полностью заслонила свет.

Силай вовремя среагировал и перехватил руку господина, тянущуюся к его воротнику.

— Не надо... — выдавил он, выдавливая пару слезинок.

Чэнь Кэ тут же густо покраснел и отвел взгляд. Янь Шэнь еще больше помрачнел; едва сдерживая тошноту, он процедил:

— Линь Яньдун, если хочешь доказать, что ты не Лу Силай, дай мне убедиться лично.

Силай на мгновение замешкался, а затем запричитал:

— В чем убедиться? На соски мои посмотреть решил?!

Янь Шэнь пришел в ярость:

— Кому сдались твои корявые соски!

Силаю это замечание показалось крайне обидным.

— Это у кого они корявые?!

— У всех мужчин они такие!

— Значит, и у тебя тоже?!

— Мои соски тебя не касаются!

Видя, что перепалка заходит в тупик, пунцовый Чэнь Кэ наконец не выдержал:

— Молю вас, хватит уже о сосках...

Янь Шэнь только сейчас осознал, в какую глупость ввязался по вине этого человека. Ярость закипела в нем с новой силой; поняв, что слова на Линь Яньдуна не действуют, он рывком перехватил его запястья и прижал их к подушке по обе стороны от головы.

Силай понял, что господин намерен действовать силой, и отчаянно забился. Несмотря на облик хилого книжника, сил у него оказалось немало. Янь Шэню пришлось навалиться на него всем телом, чтобы подавить сопротивление.

— Чэнь Кэ, помоги! Держи его руки! — тяжело дыша, скомандовал премьер-министр.

«Твою ж мать...»

Силай почувствовал, как тридцатилетний Чэнь Кэ с красным от смущения лицом крепко прижал его руки к постели. В этот момент он ощутил себя каким-то строптивым мальчиком из дешевого борделя.

Янь Шэнь, возвышаясь над ним темной грозовой тучей, уже собирался сорвать одежду, как вдруг человек под ним зашелся в рыданиях.

— У-у-у... Янь Шэнь... не надо... Прошу, не поступай так со мной!

Каждое слово было пропитано такой горечью, что сердце невольно сжималось. Силай плакал навзрыд, слезы ручьями стекали на виски, намочив волосы.

— Я думал, что, сбежав оттуда, смогу начать новую жизнь... Почему? Неужели это моя судьба? Неужели мне, Линь Яньдуну, суждено...

Совершенно не понимая, о чем он говорит, Янь Шэнь опешил и замер. Они с Чэнь Кэ обменялись взглядами, в которых недоумения было поровну.

Силай же продолжал заливаться слезами:

— А я-то наивно полагал, что ты не такой, как прочие...

— Да о чем ты вообще болтаешь?! — Янь Шэнь начал терять самообладание от странной тревоги.

— Янь Шэнь, ты можешь бить меня, можешь поносить последними словами... но не смей так позорить меня! Только не ты!

Цзайсян застыл с полуоткрытым ртом. Несмотря на полное непонимание ситуации, отчаянный блеск в слезах Линь Яньдуна заставил его сердце пропустить удар. Его рука так и осталась висеть в воздухе.

Лу Силай, продолжая рыдать, начал вдохновенно плести небылицу:

— Судьба моя ничтожна... В двенадцать лет меня продали в наложники одному старику. Он всячески измывался надо мной, превратил в живую игрушку. Только когда этот старый пес издох, мне удалось бежать. С тех самых пор я натерпелся унижений сверх меры... Но ты, Янь Шэнь... Неужели ты из той же породы подонков?

Стоило Янь Шэню встретить этот полный скорбного упрека взгляд, как его словно громом поразило. Впрочем, теперь странные наклонности этого человека стали казаться вполне объяснимыми.

Чэнь Кэ был потрясен не меньше. Чувство вины мгновенно захлестнуло его, и он невольно разжал хватку.

Воспользовавшись моментом, Силай всхлипнул и сам схватил руку Янь Шэня, медленно поднося её к своей груди. Стоило пальцам премьер-министра коснуться под тканью чего-то твердого и холодного, как он испуганно отдернул руку. Лицо его вспыхнуло, голос задрожал:

— Что... что это?

— Что это? — Силай горько усмехнулся сквозь слезы. — Разумеется, безделушка для услады таких, как вы...

— А? — Чэнь Кэ, догадавшись, о чем речь, тут же закрыл лицо руками и присел на корточки — здоровенный детина покраснел, как рак. Янь Шэнь, будучи куда более впечатлительным, и вовсе потерял дар речи.

— Я вовсе не... — Цзайсян, пылая от стыда, поспешно поправил одежду и скатился с кровати.
— Я не собирался...

— Довольно! — Силай сел, плотно запахнув воротник. Слезы градом катились по щекам. — Я не желаю ничего слушать!

Утирая лицо рукавом, он, сотрясаясь от рыданий, выбежал из комнаты.

Янь Шэнь долго стоял на месте, мысли в его голове превратились в сплошное белое пятно. Прошло немало времени, прежде чем он встретился взглядом с поднимающимся Чэнь Кэ. Оба несколько раз сменили выражение лица, пока наконец на их физиономиях не застыло одно и то же выражение — сомнение.

«Да за такое заурядное лицо даже родители бы его продать не смогли — никто бы не купил!»

***

Лу Силай, едва сдерживая смех, добежал до сада Восточного двора и, усевшись на землю, расхохотался во все горло. Он выудил из-за пазухи тот самый кусочек махуа, который и послужил «страшной тайной», и с наслаждением захрустел им, закинув руки за голову.

«Кольцо в соске? Больно же, черт возьми! Нашли дурака».

Он лежал на большом камне, закинув ногу на ногу, но триумф длился недолго. Вскоре послышались яростные шаги, стремительно приближающиеся к нему.

Силай мгновенно вскочил. И точно — к нему широким шагом шел Янь Шэнь, яростно сжимая в руке палку.

— ЛУ СИЛАЙ!!! — этот рев едва не заставил сердце беглеца остановиться.

«Как же быстро он сообразил!»

Силай не был из тех, кто быстро забывает боль. Покрывшись холодным потом, он понял, что сейчас нельзя давать слабину. Он мгновенно пустил слезы и, бросившись навстречу господину, закричал:

— Бей! Ну же, убей меня!

Но решительный шаг и ярость Янь Шэня ясно давали понять: этот фокус больше не пройдет. Видя, что палка уже занесена для удара, Силай завопил:

— Стой! Ладно, стой! На что ты там хотел смотреть?!

Палка замерла на полпути. Янь Шэнь, всё еще тяжело дыша от ярости, слегка ткнул книжника в макушку, заставив того взвыть, и процедил:

— Если ты не боишься показать свои ключицы — значит, ты и есть Лу Силай!

Силай, потирая голову, спросил с притворным непониманием:

— С чего бы это смотреть на мои ключицы?

— Потому что у Лу Силая там родимое пятно в форме ивового листа!

— И если его там не окажется, ты перестанешь меня преследовать и твердить, что я какой-то там Лу Силай?!

— Если его нет, я признаю, что ты Линь Яньдун!

—... Хорошо.

С этими словами Силай схватил господина за руку и увлек за собой в лабиринт декоративных камней. Янь Шэнь, опешив от такой напористости, безвольно последовал за ним, глядя на спину книжника и прядь волос, выбившуюся из прически.

Когда они оказались в глубине искусственных скал, Силай резко обернулся.

— Смотри внимательно.

Он решительно рванул ворот, обнажая ослепительно белую кожу. На плечи и грудь, не знавшие солнца, упал свет, подчеркивая их гладкость. Янь Шэнь замер. Его взгляд впился в изящную ложбинку у ключицы — кожа там была чиста и прозрачна, как теплый нефрит.

Цзайсян не мог поверить своим глазам. Он протянул руку и принялся тереть кожу, но как бы он ни старался, на белой поверхности проступала лишь краснота от его пальцев. Никакого родимого пятна в форме ивового листа, о котором твердил князь Нинъян, не было и в помине.

— Янь Шэнь, надеюсь, ты держишь свое слово.

Цзайсян молча смотрел, как Линь Яньдун поправляет одежду. Он с силой сжал кулаки и до хруста стиснул зубы. Поверить в то, что перед ним не Лу Силай? Ни за что!

В голове у него билась лишь одна мысль: «Черт возьми... Этот старый развратник меня обманул!»

<http://bllate.org/book/17426/1693816>